

В опросы духовной культуры

ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ФИЛОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Крыжко Е.В.

УДК 297:94[(549.1):327]

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ИСЛАМА НА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПАКИСТАНА
С ГОСУДАРСТВАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация. Пакистан выступает активным сторонником объединения мусульманских стран в едином союзе. Роль ислама во внешней политике Пакистана в отношении государств Центральной Азии и Афганистана трансформировалась от объединяющей к отталкивающей, что было связано с беспокойством и настороженностью руководства как центральноазиатских государств, так и ИРП в вопросе распространения исламистской угрозы с территории Афганистана. Центральноазиатские политические элиты считали «Талибан» основной угрозой собственной безопасности, а поддерживающий его Пакистан, соответственно, воспринимали как скрытого врага.

Ключевые слова: Пакистан, Центральная Азия, Афганистан, «Талибан», ислам, исламский фактор.

Анотація. Пакистан виступає активним прихильником об'єднання мусульманських країн в єдиному союзі. Роль ісламу в зовнішній політиці Пакистану щодо держав Центральної Азії і Афганістану трансформувалася від об'єднуючої до відразливої, що було пов'язано із занепокоєнням та настороженістю керівництва як центральноазиатських держав, так і ІРП в питанні розповсюдження ісламістської загрози з території Афганістану. Центральноазиатські політичні еліти вважали «Талібан» основною загрозою власній безпеці, а підтримуючий його Пакистан, відповідно, сприймали як прихованого ворога.

Ключові слова: Пакистан, Центральна Азія, Афганістан, «Талібан», іслам, ісламський чинник.

Summary. Pakistan is an active supporter of the association of Muslim countries in a single union. Pakistani leaders, starting with M. Zia-ul-Haq (served as President 1978 – 1988) never lost sight of the Islamic factor, often approach to solving international problems of considering precisely this factor. Growth of Islamism in Pakistan contributed to tensions in its relations with India, the absence of any trade-offs on the Kashmir issue.

The theory of "Islamism" has an important place in the foreign policy of Pakistan. The existence of this theory is due to the fact that the IRP was created as a Muslim state, and in multinational Pakistan Islam is seen as a unifying factor. First steps guide the independent states of Central Asia, testified that they did not intend to build its foreign policy strategy solely on the ideas of Islamic solidarity and tend to develop in the first place the economic component of relations with new partners. Central Asian political elites considered "Taliban" main threat to its security and its supporting Pakistan, respectively, was seen as a hidden enemy.

The Islamic factor in the foreign policy of Pakistan with regard to the countries of Central Asia and Afghanistan has been transformed from a unifying role in repelling that was associated with anxiety and alertness management as the Central Asian states, and the IRP in the issue of the spread of Islamist threat from Afghanistan.

Keywords: Pakistan, Central Asia, Afghanistan, "Taliban", Islam, the Islamic factor.

Возрождение исламских традиций и культуры в Центральной Азии началось с 1990-х гг. Распад СССР способствовал пробуждению этно-религиозных чувств. Студентами из медресе были провозглашены лозунги «строительства халифата», «справедливости и равных возможностей для всех» [1]. Некоторые внешние факторы также способствовали распространению исламизма в политической среде государств Центральной Азии. Одним из катализаторов процесса активизации ислама в регионе изначально был внешнеполитический, а точнее, «афганский» фактор. Ввод в Афганистан советских войск консолидировал под знаменем джихада разрозненное афганское общество, а заодно и породил в сопредельных государствах региона настроения солидарности с афганскими моджахедами в русле религиозной традиции [2, с. 197]. Другой причиной было наличие оппозиции, которая хотела завоевать поддержку населения с использованием ислама. Соседние государства - Иран и Турция - также хотели расширить свою зону влияния, используя религию в региональной политике [1].

В этом контексте находилась и идея о создании в данном регионе исламского блока, выдвинутая в 1988 г. пакистанским руководителем генералом М. Зия-уль-Хаком. Наиболее активными приверженцами этой точки зрения были религиозно-общинные партии и группировки, прежде всего «Джамаат-и-ислами» («Исламское общество») [3]. Лидер этой организации К. Хуссейн призвал правительство противостоять «американскому империализму» и новому мировому порядку, привлекая центральноазиатские республики к совместным усилиям для решения этой задачи. При этом он заявил, что Пакистан должен быть для Центральной Азии «исламским наставником, а не предоставлять ей экономическую помощь» [4]. «Джамаат-и-ислами» использовала свои возможности в Международном исламском университете в Исламабаде и Международном институте исламского образования в Лахоре для идеологической обработки студентов из республик Центральной Азии (кроме Узбекистана). И. Каримов ввел самые суровые из всех республик региона законы против исламского фундаментализма. «Он ограничил все, начиная от обучения в медресе и кончая ношением бород» [5, с. 205]. Одновременно студенты, обучающиеся в медресе, нелегально переправлялись в Афганистан для прохождения во время каникул боевой подготовки.

С середины 1990-х гг. Пакистан стал оказывать политическую поддержку и материальную помощь «Талибан» в Афганистане, признал правительство, сформированное талибами в сентябре 1996 г. [6, с. 209]. В 1997-1998 гг. финансово Пакистан оказал «Талибану» помощь в размере около 300 млн. долл.: стоимость 600 тыс. тонн пшеницы, дизельного топлива, бензина и керосина, вооружения и боеприпасов, авиабомб, технического обслуживания и запчастей для оставшегося от советских времен вооружения, ремонт и обслуживание ВВС талибов и их аэродромов, дорожное строительство, поставка электричества в

Кандагар и зарплата. Пакистан также помогал «Талибану» самому закупать оружие и боеприпасы в Украине и в странах бывшего советского блока [5, с. 255].

Первые шаги руководства независимых государств Центральной Азии свидетельствовали о том, что они не намерены строить свою внешнеполитическую стратегию исключительно на идеях исламской солидарности и склонны развивать в первую очередь экономическую составляющую отношений с новыми партнерами [7]. Центральноазиатские политические элиты считали «Талибан» основной угрозой собственной безопасности, а поддерживающий его Пакистан, соответственно, воспринимали как скрытого врага [8].

Президент Таджикистана Э. Рахмон отметил: «Народы Средней Азии, в том числе и таджики, никогда не согласятся и не потерпят диктата ислама и его вмешательства в государственные дела. Таджики – истинные мусульмане, однако они категорически против исламского фундаментализма» [9]. Президент Кыргызстана А. Акаев говорил об укреплении исламской солидарности как предпосылке для вывода исламского мира на современный уровень развития: «Исламский фундаментализм порой относят к Востоку в целом. Однако Восток не сводится к исламу и народам, его исповедующим. Как понятие он значительно шире, многообразнее, полноценнее. Восток сохраняет и другие древние формы культуры, способы выживания и сохранения стабильности. Двадцати двух вековая история Кыргызстана – один из примеров» [10, с. 277]. «Активизация исламского фактора во всем его многообразии в нашем регионе в период установления и укрепления государственной независимости государств региона вызывают у нас серьезное беспокойство с позиции необходимости укрепления суверенитета Узбекистана, обеспечения его безопасности», – отмечал президент Узбекистана И. Каримов [11, с. 38]. Туркменский президент С. Ниязов был не склонен драматизировать фундаменталистскую угрозу для своей страны. Он неоднократно заявлял, что не видит почвы для восприятия идей исламского экстремизма. Несмотря на это, с середины 1990-х гг. С. Ниязов прибег к политике жесткого ограничения и всеобъемлющего государственного регламентирования религиозной жизни [12]. Об отсутствии поддержки исламистских настроений населением государства говорил президент Казахстана Н. Назарбаев: «Определенная часть религиозных общин подпадает под влияние миссионеров из зарубежных исламских центров, несущих идеи религиозной нетерпимости. Особенно это чувствуется в южных регионах нашей страны. Однако, «попытки привнесения радикальных воззрений на казахстанскую почву не имеют массовой поддержки» [13].

В марте 1993 г. министры иностранных дел Узбекистана и Таджикистана открыто обвинили «Джамаат-и-ислами» в том, что эта партия вооружает и обучает мусульманских радикалов из их республик [14]. 18 мая 1993 г. во время визита в Дели президент Узбекистана И. Каримов прямо заявил о готовности его страны «поставить стену» на пути исламского терроризма. По мнению узбекского руководителя, ислам был неприемлем в качестве геополитической основы объединения, поскольку он легко мог привести к экстремизму [15]. В июле 1997 г. на саммите президентов Узбекистана, Казахстана и Кыргызстана в г. Чолпон-Ата (Кыргызстан) поднимался вопрос о негативном влиянии на развитие двусторонних отношений деятельности пакистанских спецслужб в Узбекистане и контактах пакистанских религиозных организаций (прежде всего, «Джамаат-и-ислами») с узбекистанской исламской оппозицией [16, с. 397].

Несмотря на то, что все центральноазиатские лидеры высказывали в той или иной форме необходимость духовного возрождения и выделяли важную роль в этом процессе ислама, тем не менее, их стратегия оставалась прежней: нейтрализовать исламские партии и движения. Правительства некоторых центральноазиатских государств приняли жесткие меры по отношению к лидерам исламской оппозиции. Согласно принятым во всех пяти республиках новым конституциям, деятельность религиозных политических партий была поставлена вне закона [17].

В итоге Пакистану пришлось отказаться от изначальной своей ставки на ислам как общий знаменатель для взаимодействия с государствами Центральной Азии. Поддержка пакистанским руководством движения «Талибан», политика исламизации, сепаратистское движение в Кашмире – все это оказало негативное влияние на отношение к ИРП не только руководителей государств Центральной Азии, но и Китая, Индии, США, РФ, Ирана, Турции.

Попытка ИРП содействовать подъему исламизма в Центральной Азии и укреплению с помощью исламистских сил своих позиций в регионе натолкнулась на препятствия тройкого рода. Во-первых, отсутствие достаточных объективных условий для этого в политическом сознании и культуре местного населения. Исламизм имел успех только у небольшой части населения и пользовался поддержкой политически значимых сил лишь в сочетании с национализмом, как идеологии, обосновывающей отделение республик Центральной Азии от России. Во-вторых, противодействие Ирана, который не мог примириться с единоличным господством Пакистана в Афганистане и допустить проникновение ИРП как ведущего самостоятельного игрока на пространство новой Центральной Азии. В-третьих, полуизоляция, в которой Пакистан оказался в системе международных отношений ввиду ослабления внимания к нему со стороны США, а также внутренняя слабость пакистанского режима [18, с. 99-114].

В 1996 – начале 1997 гг. в отношениях с государствами Центральной Азии Пакистан стремился к поддержанию максимально высокого уровня диалога за счет переноса акцента на обсуждение вопросов, представлявших взаимный интерес: ситуации в Афганистане и Таджикистане, двусторонних связей, фактически потеряв надежду на подключение этих стран к антииндийской линии. Это, однако, не помогло Пакистану развеять опасения в связи с действительными целями региональной политики ИРП, еще более усилившиеся в свете поддержки пакистанцами талибов в Афганистане.

Ситуация в Афганистане выступила одним из важнейших ограничителей в развитии отношений Пакистана со странами Центральной Азии. Центральноазиатские политические элиты считали «Талибан» основной угрозой собственной безопасности, а поддерживавший его Пакистан, соответственно,

воспринимали как скрытую угрозу. На короткое время «Талибан» объединил под своим контролем почти весь Афганистан, практически прекратились межпуштунские распри и столкновения. Но в то же время Афганистан стал одним огромным «учебным лагерем» для исламских экстремистов и террористов со всего мира. Там они изучали опыт талибов по построению «нового исламского порядка» с тем, чтобы применить его на практике в странах своего проживания [19].

С начала 1990-х гг. Пакистан оказался в эпицентре действий радикальных исламистских течений. Выходцы из Центральной Азии, молодые мусульмане из России обучались в духовных школах и семинариях в Пакистане. Часть из них, прежде всего узбеки, связанные с исламской партией «Адолят» («Справедливость»), присоединились к боевикам ИДУ (Исламское движение Узбекистана), которое стало ведущей экстремистской организацией центральноазиатского региона. При участии исламистов, укоренившихся в Пакистане и Афганистане, ИДУ стала планировать боевые операции против властей центральноазиатских государств. Параллельно с ИДУ на юге Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана активно действовала организация «Хизб-ут-Тахрир» («Партия исламского возрождения»). Первые ячейки «Хизб-ут-Тахрир» в Центральной Азии появились в 1992-1994 гг. в Узбекистане. Распространение ячеек и усиление пропагандистской деятельности начались в конце 1990-х гг. [20, с. 44]. В 1992-1993 гг. США под давлением Индии были близки к тому, чтобы объявить Пакистан государством, поддерживающим терроризм, из-за кашмирских боевиков, нападавших на индийскую часть Кашмира [5, с. 258]. Нестабильная обстановка в Афганистане, нехватка материальных средств, невозможность развития нефте- и газовых трубопроводов осложняли осуществление проектов сотрудничества для Пакистана и государств Центральной Азии.

Исламский фактор во внешней политике Пакистана в отношении государств Центральной Азии трансформировался от объединяющей роли, которой пакистанская сторона придавала особое значение в начале 1990-х гг. к отталкивающему фактору, вызывающему беспокойство и настороженность руководства центральноазиатских стран. Сложившаяся ситуация заставила ИРП занять в отношении исламского фактора более сдержанную позицию, в связи с риском потери контактов с государствами Центральной Азии, и перейти на прагматичные взаимоотношения по развитию сотрудничества в рамках торгово-экономических связей, разработке совместных мер по стабилизации ситуации в Афганистане и Таджикистане. Несмотря на изменение во внешней политике Пакистана, центральноазиатские государства продолжали воспринимать ИРП как силу, поддерживающую «Талибан» – основную угрозу нестабильности в регионе. Таким образом, в этой ситуации ИРП стала заложником собственных интересов: солидаризирующая роль ислама обернулась ограничителем для сотрудничества с государствами Центральной Азии.

Источники и литература:

1. Mehwish H. S. Resurgence of Islam in Central Asia : a case study of Uzbekistan / H. S. Mehwish [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.issi.org.pk/old-site/ss_Detail.php?dataId=394
2. Джангужин Р. Н. Новые независимые государства Центральной Азии в системе современных международных отношений / Р. Н. Джангужин. – К. : ИМЭМО, 2005. – 580 с.
3. Москаленко В. Н. Пакистан и государства Центральной Азии / В. Н. Москаленко // Западная Азия, Центральная Азия и Закавказье. Интеграция и конфликты. – М. : ИВ РАН, 1995. – 146 с.
4. Central Asian Muslims Looking Towards Ummah // The Nation (Lahore) [Electronic resource]. – Mode of access : <http://nation.com.pk/pakistan-news-newspaper-daily-english-online/Politics/18-Sep-1991/Central-Asian-Muslims-Looking-Towards-Ummah>
5. Рашид А. Талибан. Ислам, нефть и Большая Игра в Центральной Азии / А. Рашид. – М. : Библион – Русская книга, 2003. – 368 с.
6. Дерябина А. З. Ислам как фактор внешней политики Пакистана / А. З. Дерябина // Ближний Восток и современность. – 2004. – Вып. 23. – С. 194 – 215.
7. Крыжко Е. В. Центральноазиатская политика Пакистана в начале XXI столетия / Е. В. Крыжко // Культура народов Причерноморья. – 2009. – № 173. – Т. 2. – С. 165 – 171.
8. Казанцев А. А. «Большая игра» с неизвестными правилами : мировая политика и Центральная Азия / А. А. Казанцев. – М. : Наследие Евразии, 2008. – 252 с.
9. Рахмон Э. Независимость Таджикистана и возрождение нации / Э. Рахмон. – Душанбе : «Ирфон», 2006. – Т. 1. – 454 с.
10. Акаев А. Дума о будущем с оптимизмом. Размышления о внешней политике и мироустройстве / А. Акаев. – М. : Международные отношения, 2004. – 405 с.
11. Каримов И. А. Узбекистан на пороге XXI века : угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса / И. А. Каримов. – Ташкент : Узбекистон, 1997. – 315 с.
12. Месамед В. И. Исламский фактор в ирано-центральноазиатских отношениях [Электронный ресурс] / В. И. Месамед. – Режим доступа : <http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/10-01-08a.htm>
13. Назарбаев Н. Критическое десятилетие / Н. Назарбаев. – Алматы : Атамура, 2003. – 240 с.
14. Rashid A. The Resurgence of Central Asia: Islam or Nationalism? / A. Rashid. – Karachi : Oxford University Press, 1994. – 215 p.
15. д'Анкос Э. К. Возможно ли полное равновесие в Средней Азии? / д'Анкос Э. К. // Российская газета. – 1994 г. – 6 с.

16. Казакова М. И. Узбекистано-пакистанские отношения / М. И. Казакова // Узбекистан: обретение нового облика: В 2 т. / Под ред. Е. М. Кожокина. – М., 1998. – Т. 2. – С. 393 – 404.
17. Абазов Р. Ф. Исламское возрождение в центральноазиатских новых независимых государствах / Р. Ф. Абазов // Полис. – 1995. – № 3. – С. 61 – 67.
18. Белокреницкий В. Я. Из Пакистана и Афганистана в Центральную Азию. Пути распространения исламского радикализма / В. Я. Белокреницкий // Афганистан в начале XXI века. – М. : Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004. – 191 с.
19. Крыжко Е. В. Щевелев С. С. Из истории движения «Талибан» в Афганистане / Е. В. Крыжко, С. С. Щевелев // Культура народов Причерноморья. – 2007. – №120. – С. 30 – 35.
20. Белокреницкий В. Я. Пакистанский исламизм и Центральная Азия / В. Я. Белокреницкий // Азия и Африка сегодня. – 2004. – № 9. – С. 40 – 44.

Маковский В.В., Сухарев М.В.

УДК 94(477.2)»19»:314.75(477.75)

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ ЭСТОНСКИХ КРЕСТЬЯН В КРЫМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В

***Аннотация.** В статье рассматривается вопрос об экономических причинах переселения крестьян Эстляндской губернии на Крымский полуостров в 60-е гг. XIX в. Анализируется тяжёлое социально-экономическое положение эстонского крестьянства в дореформенный период, формы его феодальной эксплуатации местной немецкой аристократией. Показаны благоприятные для земледельцев условия хозяйствования в Крыму и меры содействия заселению полуострова со стороны чиновников Таврической губернии, побудившие эстонских крестьян из лютеранской секты малтсветовцев переселиться на крымские земли.*

***Ключевые слова:** эстонские крестьяне, немецкие помещики, барщина, переселенческое движение, малтсветовцы, Крым.*

***Анотация.** У статті розглядається питання про економічні причини переселення селян Естляндської губернії на Кримський півострів у 60-ті рр. XIX ст. Аналізується тяжке соціально-економічне становище естонського селянства в дореформенний період, форми його феодальної експлуатації місцевою німецькою аристократією. Показано сприятливі для землеробів умови господарювання в Криму та допоміжні засоби щодо заселення півострова з боку посадовців Таврійської губернії, які суттєво вплинули на бажання естонських селян з лютеранської секти малтсвєтєвіців переселитися на кримські землі.*

***Ключові слова:** естонські селяни, німецькі поміщики, панщина, переселенський рух, малтсвєтєвіці, Крим.*

***Summary.** In article the question of the economic reasons of resettlement of peasants of the Estlyandsky province on the Crimean peninsula in the 60th of the XIX century is considered. Heavy economic and social situation of Estonian peasantry during the prereform period, forms of its feudal exploitation is analyzed by the local German aristocracy. Managing conditions, favorable for farmers, in the Crimea and the measures of assistance to settling of the peninsula from officials of the Taurian province which induced Estonian peasants to move from Lutheran sect of maltsvetovets on the Crimean lands are shown.*

Authors of article describe features of land tenure and land use in the Estlyandsky province of Ostzeysky edge in the first half of the XIX century. It is noted that absolute masters of land resources in Baltic during this period were the German barons. Though in 1816 Estonian peasants received a personal liberty from serf dependence, their economic dependence on landowners only amplified. All land remained in property of the German aristocracy, and volumes of auxiliary works on corvee for peasants significantly grew. The bulk of Estonian peasants lived in conditions of extreme poverty. Situation for them was complicated by low fertility of local soils. Resettlement of Estonians to the Crimea had also confessional basis. Yukhan Maltsvet's preacher and followers of his community were exposed in the homeland to prosecutions from the authorities and Lutheran church. It also in many respects promoted acceptance of a final decision on moving of members of sect to the Taurian province.

***Keywords:** Estonian peasants, German landowners, corvee, resettlement movement, maltsvetovets, Crimea.*

Возвращение Крыма в состав Российского государства, ставшее реакцией на деструктивные политические процессы на Украине, а также намеченная на октябрь 2014 г. перепись населения в Республике Крым и городе федерального подчинения Севастополе возродили исследовательский интерес к национальному многообразию полуострова, к тем изменениям, которые происходили в его структуре и могут произойти в ближайшем будущем в связи с новым статусом данной территории. Достойное место в среде крымского социума занимает немногочисленная эстонская община, появившаяся здесь в XIX в. Весьма актуальным на сегодняшний день является вопрос о социально-экономических предпосылках, побудивших в своё время предков крымских эстонцев покинуть историческую родину.

Проблематика статьи отображена в работах Э. Вильде [1], А. Корнилова [2], М. Левандовской [3] и ряда других исследователей.

К началу XIX в. прибалтийские земли, присоединённые к России в период правления Петра I и Екатерины II (Остзейский край), находились в полном распоряжении местных немецких баронов. Эстонское и латышское крестьянство испытывало многочисленные тяготы крепостного права, пребывая в личной и экономической зависимости от немецких землевладельцев. В этот период новый российский император Александр I начал прорабатывать планы по постепенной отмене в России крепостного права. Первые шаги в этом направлении были сделаны именно в Прибалтике.

20 февраля 1804 г. Александр I утвердил правила об устройстве крестьян Лифляндской губернии, включавшей в себя южные земли современной Эстонии [2, с. 70]. В 1805 г. подобные правила